

НЕКОТОРЫЕ ВАРИАНТЫ АКЦЕНТУАЦИИ НЕПРОИЗВОДНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ЖЕНСКОГО РОДА С ОСНОВОЙ НА -А (-Я)*

Одним из подвижных звеньев в области именного ударения является акцентуация производных имен существительных женского рода с основой на -а (-я). Известно, что в процессе развития литературного языка место ударения при формообразовании в этих лексемах постепенно менялось; в частности, в них фиксируется переход в подпарадигме множественного числа от флексийного ударения к корневому, в результате чего формируется дополнительное противопоставление числовых подпарадигм. Направление таких изменений связано с тенденцией грамматикализации, отмеченной В. Н. Сидоровым: существительные ед. и мн. ч. стремятся к противопоставлению по акцентному признаку (старые акцентные парадигмы объединяются, а ударение в них унифицируется в ед. и мн. ч.). Для выяснения особенностей современных акцентных процессов и уточнения орфоэпических рекомендаций был проведен эксперимент, результаты которого, с одной стороны, подтвердили тенденцию, отмеченную В. Н. Сидоровым, а с другой стороны, продемонстрировали наличие имен, не следующих этой тенденции и сохраняющих старое ударение (напр., *сто́рону* и *стороню́*, *и́збу* и *избу́* сохраняют акцентные колебания предыдущего орфоэпического среза), а также словоформ, ударение в которых меняется вразрез с намеченным направлением (ср. формы *сноха́ми*, *сторонáм*, которые предпочли респонденты в младшей группе испытуемых в 90 и 100 % случаев соответственно, что прямо противоречит рекомендациям современных орфоэпических словарей, а также вступает в противоречие с действием тенденции грамматикализации). Динамика акцентуации не всегда адекватно отражена в современных орфоэпических словарях: результаты эксперимента наглядно демонстрируют, что для ряда имен кодификационные решения должны быть скорректированы; при этом очевидно, что пристального внимания требует не класс слов в целом, но каждое отдельное слово (а порой даже словоформа). Библиогр. 20 назв.

Ключевые слова: варианты акцентуации, тенденция грамматикализации, имена существительные женского рода, числовые подпарадигмы, орфоэпия, орфоэпический эксперимент.

* Исследование выполнено в рамках плановой темы Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН «Современная русская акцентология. Норма и ее варианты. Создание «Большого акцентологического словаря русского языка»» (руководитель М. Л. Каленчук).

Olga V. Antonova

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS

SOME ACCENTUATION OPTIONS FOR NON-DERIVATIVE FEMININE NOUNS WITH STEM ENDING WITH -A (-YA)

One of the unstable links in the field of nominal stress is accentuation of non-derivative feminine nouns with a stem ending with *-a (-ya)*. It is well-known that during the development of the literary language, the place of stress in these lexemes gradually changed. In particular, there is a transition in subparadigm of the plural from flexion stress to root stress, as a result an additional opposition of numerical subparadigms is formed. Such changes are associated with the tendency of grammaticalization marked by V. N. Sidorov: singular and plural nouns strive for opposition on the basis of accent (old accent paradigms unite, and the stress in them is unified in singular and plural forms). To clarify the features of modern accent processes and clarify orthoepic recommendations we conducted an experiment. The results of the experiment, on the one hand, confirmed the tendency noted by V. N. Sidorov, and on the other hand, have shown nouns that do not follow this pattern and keep the old stress, as well as word forms, the stress in which changes differently. Accentuation dynamics are not always adequately reflected in modern spelling dictionaries: the results of the experiment clearly demonstrate that for a number of names, codification decisions should be adjusted. It is obvious that it is not the class of words that requires close attention, but each individual word (and sometimes even a word form). Refs 20.

Keywords: variants of accentuation, grammaticalization tendency, feminine nouns, numerical subparadigms, orthoepy, orthoepic experiment.

ВВЕДЕНИЕ

В области именного ударения в русском языке одним из подвижных звеньев традиционно считается акцентуация непроизводных имен существительных женского рода с основой на *-а (-я)* типа *полосá, сестрá* и подобных, исторически отнесенных к так называемому окситонированному классу (то есть классу имен, имеющему во всех формах словоизменительной парадигмы единственного и множественного числа ударение на окончании) [Колесов 1972; Хазагеров 1973; Воронцова 1979]. Известно, что в процессе развития литературного языка место ударения при формообразовании в этих лексемах постепенно менялось; в частности, вот уже на протяжении двух столетий исследователи последовательно фиксируют в ряде слов данного акцентного типа в подпарадигме мн. ч. переход от флексийного ударения к корневому, в результате чего формируется дополнительное противопоставление числовых подпарадигм. Чем же вызваны подобные сдвиги ударения в рамках одной словоизменительной парадигмы? Ведь известно, что «схема ударения и место ударения внутри основы в принципе являются... особыми словарными характеристиками отдельного слова, невыводимыми, с формальной точки зрения, из каких-либо иных его характеристик» [Зализняк 1985: 22].

Первоначально причины акцентных изменений связывались с взаимодействием литературного языка с севернорусскими и южнорусскими диалектами,

а также с влиянием церковно-книжного произношения [Булаховский 1958], однако впоследствии стало очевидно, что характер акцентологических изменений определяют не внешние влияния (такие, к примеру, как влияния народных говоров), а системные отношения внутри класса имен [Воронцова 1979: 8–9].

По мнению большинства современных исследователей, главным критерием, регулирующим варьирование в акцентных парадигмах (АП)¹ при формообразовании, следует признать морфологический фактор. Направление таких изменений внутри именного склонения обычно связывают с тенденцией, отмеченной В. Н. Сидоровым: существительные ед. и мн. ч. стремятся к противопоставлению по акцентному признаку (старые акцентные парадигмы объединяются, а ударение в них унифицируется в ед. и мн. ч.). Стремление к колонному² ударению внутри подпарадигмы одного числа обусловлено действием закона аналогии. Так, в исследовании Н. Н. Дурново отмечалось, что стремление к аналогии в грамматическом смысле предполагает аналогию в рамках лишь одного числа, а сами по себе числа могут не только не совпадать, но и противопоставляться: «зависимость... вовсе не направлена на сближение форм ед. и мн. числа, а, как раз наоборот, на полную дифференциацию этих двух чисел» [Дурново 1971: 93, 95]. Ср. также: «Уже в древнерусский период начинаются частные акцентные перестройки аналогического

¹ В современной науке существует несколько подходов к описанию акцентных парадигм слов данного класса: к примеру, согласно В. В. Колесову, в древнерусском языке имена а-основ делились на три АП: баритонированную (с ударением на основе), окситонированную (с ударением на флексии) и подвижную (а, b, c). В подвижную АП исторически объединялись все формы одного слова с любым типом разноместного ударения [Иллич-Свитыч 1963; Колесов 1972; Хазагеров 1973; Воронцова 1979], однако с течением времени характеристики детализировались. Ряд современных исследователей пользуется более детальной классификацией А. А. Зализняка [Зализняк 2002] (первое издание в 1967 г.), где а — ударение на основе (что совпадает с баритонированным типом в терминологии В. В. Колесова), b — ударение на флексии (совпадает с окситонированным типом). Далее следуют формы, в разные моменты целиком или частично объединенные в подвижную АП: с — подвижное ударение, в ед. ч. на основе, во мн. ч. на флексии; d — в ед. ч. ударение на флексии, во мн. ч. на основе, d¹ — то же, что d, но в ед. ч. В. п. (напр., *вѣду*) ударение на основе, и проч. Возможность использования данной классификации, выработанной для исторического описания, также для описания синхронного среза, показана в [Воронцова 1979: 11]. Очевидно, что старая и новая схемы в описании подвижных типов не совпадают (или совпадают частично), что создает некоторые трудности при попытках сравнительной интерпретации. В рамках настоящего исследования будет также использована классификация, разработанная Л. Л. Касаткиным и реализованная наиболее последовательно в теоретической части «Большого орфоэпического словаря русского языка» [Касаткин (ред.) 2018], согласно которой у существительных «неподвижное ударение на основе обозначается буквой А, неподвижное ударение на окончании — буквой В, подвижное ударение — буквой С, а место ударения указывается отдельно для форм единственного и форм множественного числа» [Касаткин 2006: 69].

² «Колонным ударением в группе словоформ (например, в парадигме) называется ударение на одном и том же слого по счету от начала» [Зализняк 1985: 9].

характера. <...> Выравнивание происходит в рамках морфологической парадигмы (или одной из субпарадигм) отдельного слова; оно состоит в достижении колонного ударения в данной совокупности словоформ» [Зализняк 1985: 181].

Таким образом, в результате едионаправленных тенденций (грамматикализации и аналогического перестроения) грамматическое противопоставление форм ед. и мн. ч. существительных получает дополнительную поддержку в акцентуации.

1. ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Формирование «нового типа подвижности» (с акцентологическим противопоставлением всех форм субпарадигм ед. и мн. ч. существительных на *-а (-я)*) происходит как «преимущественно взаимодействие старой подвижной (тип *водá, вóду, вóды, вóдам*) и старой окситонированной (*сестрá, сестру́, сестры́, сестра́м*) с основным содержанием: формирование на основе этих двух парадигм новой АП, представляющей новый тип подвижности: ударение на флексии во всех формах ед. числа и ударение на корне во всех типах мн. числа (*сестрá, сестру́ — сёстры, сёстрам*)» [Воронцова 1979: 19]. Хронологически этот процесс обычно относят к середине XIX в. (он не отражен в «Грамматике» А. Х. Востокова [Востоков 1831], но описан Я. К. Гротом [Грот 1899]) [Колесов 1972: 70].

Среди трех старых акцентных типов (баритонированной, окситонированной и подвижной АП) наиболее активно формирование оппозиции ед. и мн. ч. происходит в окситонированной АП, стремящейся к объединению с исконно подвижными именами: «К настоящему времени [то есть к середине XX в. — О. А.] у всех имен старого славянского окситонного класса ударение оказалось преобразованным: от окситонии они в полном своем составе перешли (или переходят) к новой подвижности, перегнав по результатам акцентной перестройки группу подвижно-ударяемых имен (последние представляют больше традиционных отклонений от нового типа подвижности)» [Воронцова 1979: 19]. Наименее интенсивно изменения протекают в рамках старой баритонированной АП, но постепенно и имена с ударением на основе также встраиваются в общую тенденцию [Колесов 1972: 67].

Однако результаты наблюдений последнего времени указывают на существование лексем, не следующих этой тенденции и сохраняющих старое ударение. Имеются также и словоформы, ударение в которых меняется вразрез с намеренным направлением.

Причины отклонения от общей тенденции к противопоставлению форм ед. и мн. ч. могут быть различными. По мнению В. В. Колесова, изменения в акцентуации тех или иных слов нельзя объяснить с помощью каких-либо *универсальных* причин: «На каждом этапе изменение определяется основными потребностями конкретной системы, причем фонетические причины преобразования ограничиваются праславянской эпохой, а стилистические свойственны только литературному языку» [Колесов 1969: 30]. По мысли В. Л. Воронцовой, «тенденция грамматикализации, о действии которой свидетельствуют многочисленные примеры изменения ударения в процессе развития литературного языка, не яв-

ляется, однако, всеобъемлющей. Это связано с влиянием различных факторов системного характера и характера узуального» [Воронцова 1979: 25]. Ср. также: «Следует учитывать, однако, что, в отличие от собственно фонетических процессов, аналогические перестройки почти никогда не бывают абсолютно последовательными. Отдельные слова из перестраиваемой группы могут сохранять старое ударение дольше прочих или даже вообще не подвергнуться перестройке» [Зализняк 1985: 182]. Очевидно, некоторые различия в протекании процесса могли быть связаны и с неодинаковыми начальными условиями: к примеру, окситония некоторых имен не была тотальной — из указанной парадигмы исконно выпадали формы *И.-В. п. мн. ч.*, имевшие ударение на корне (ср. *женá, женáх*, но: *жéны*) [Воронцова 1979: 48]³. По-разному переживали трансформацию исконные (общеславянские) слова и заимствованная лексика. Заимствованные слова (в основном тюркизмы и церковнославянизмы) [Колесов 1972: 36–37, Воронцова 1979: 49], к примеру, попадая на новую почву, переживают период «акцентного безразличия» (напр., *тёрьма́*), но в конечном счете их в той же мере, что и слова исконные, захватывает тенденция к грамматикализации.

2. ДИНАМИКА В АКЦЕНТУАЦИИ

Изменения в акцентуации имен существительных на *-а (-я)* (формирование «новой подвижности») происходят неоднородно и состоят из нескольких этапов, на каждом из которых все больше форм в подпарадигмах *ед.* и *мн. ч.* прямо или косвенно вовлекаются в акцентное противопоставление [Колесов 1972: 68–69; Воронцова 1979: 32–33]. Важными отправными точками для изучения таких колебаний считаются:

- 1) *динамика форм И.-В. п. мн. ч.* (в период с XVIII по нач. XX в. старое флексивное ударение у подавляющего большинства лексем оказалось преобразованным в корневое почти полностью);
- 2) *динамика форм косвенных падежей (Д. п., Т. п. и П. п.) мн. ч.* (здесь резкий сдвиг к корневому ударению также происходит в начале XX в., хотя сам характер этого сдвига не такой всеобъемлющий, как в формах *И.-В. п. мн. ч.*);
- 3) *динамика форм В. п. ед. ч.* (некоторые лексемы старого окситонированного класса в течение XVIII–XIX вв. испытывали колебания именно на этом участке системы, получая корневое ударение; в ряде случаев такие колебания наблюдаются и сейчас) [Воронцова 1979: 49–59].

Первый пункт списка обычно предшествует двум последующим; второй и третий пункты хронологически могут совпадать, а могут и следовать один за другим.

При этом движение даже внутри исконно окситонированной АП (самой динамичной в плане следования тенденции Сидорова) выглядит настолько не-

³ Представляется, что колебания в этой форме могут быть расценены и иначе, а именно как трансформация окситонированной парадигмы (В) в подвижную (С).

однородным, что индивидуального орфоэпического подхода требует буквально каждая лексема. Так, сравнивая рекомендации 2-й половины XX в. с нынешним узусом носителей литературного языка, можно отчетливо проследить, что даже те формы, что имели сходные рекомендации в нормативных источниках, в настоящий момент трансформировались неодинаково, в частности, многие имена полностью перешли к новой подвижности и даже перестали фиксироваться орфоэпическими словарями (к примеру, слово *беда* отсутствует в «Большом орфоэпическом словаре» (БОС) [Касаткин (ред.) 2018], что свидетельствует о завершении процесса грамматикализации — во всех формах ед. ч. установилось ударение на флексии, во мн. ч. — на основе⁴), а другие вышли на новую ступень динамического процесса.

Стоит отметить, что некоторые современные источники при обсуждении отдельных лексем могут содержать либо неодинаковые рекомендации, либо излагать точку зрения, актуальную для фиксации орфоэпического среза на предыдущем словарном этапе⁵. К примеру, В. Л. Воронцова отмечает (на материале поэтических текстов), что колебания ударения в В. п. ед. ч. в формах *реку* — *реку́* претерпели значительные изменения: от преобладающего в XVIII в. варианта *реку́* норма постепенно сдвигается к варианту *реку*, и в середине XX в. распределение вариантов уже равноправно. Очевидно, это распределение было справедливо и для живой речи: в аудиозаписи воспоминаний Р. И. Аванесова (1969 г.) встречаются оба эти произнесения, причем рассуждения о том, какой из них предпочтителен, присутствуют в том же тексте в виде автокоррекции (Р. И. говорит: «в *реку́*, или в *реку*, лучше сказать» [Антонова, Савинов (ред.) 2009: 17]). Примечательно, что эта рекомендация до настоящего времени фиксируется орфоэпическими словарями без изменений — варианты *реку* — *реку́* даются как равноправные и в «Орфоэпическом словаре» под ред. Р. И. Аванесова (ОС) [Аванесов (ред.) 1983], и в новейшей версии этого словаря [Еськова (ред.) 2015], а в БОС вариант *реку́* дается с мягкой пометой *допуст.* [Касаткин (ред.) 2018], хотя совершенно очевидно, что в настоящее время в литературном языке вариант *реку́* значительно уступает в частотности своему конкуренту *реку*. Любопытно, что А. А. Зализняк (ссылаясь на данные академической грамматики) считает варианты *реку* и *реку́* противопоставленными по стилистическому признаку (первый — книжный, второй — разговорно-нейтральный) [Зализняк 2002: 166], однако для современного языка это уже не соответствует действительности (вариант *реку* не имеет книжной окраски).

Примечательно, что движение в сторону новой подвижности иногда идет совершенно стремительными темпами. В. Л. Воронцова указывает на ряд лексем,

⁴ Ср. в XIX в. во мн. ч. ударение на флексии: *Будь в этот год — бедám помеха, // А на добро — попутный ветр* (П. А. Вяземский); *Да, правда, не свои беды́ — для вас забавы* (А. С. Грибоедов).

⁵ Здесь необходимо учитывать, что словарь [Еськова (ред.) 2015], являющийся доработанной и актуализированной версией орфоэпического словаря [Аванесов (ред.) 1983], в данном аспекте зачастую буквально повторяет рекомендации своего предшественника.

не получивших во мн. ч. корневого ударения и сохранивших старое на флексии. Так, по мысли Воронцовой форма *прѣстыни* (или даже *простыни*) не поддержана литературной нормой. [Воронцова 1979: 59]. Однако спустя всего несколько лет ОС нормирует форму И.п. мн. ч. *прѣстыни* с ударением на основе как единственно возможную [Аванесов (ред.) 1983]. Ту же рекомендацию повторяют и современные словари [Еськова (ред.) 2015; Касаткин (ред.) 2018].

Исследования последнего времени также фиксируют значительные колебания в акцентуации имен существительных на *-а* (*-я*), см., в частности, описание этого участка системы в «Большом орфоэпическом словаре русского языка» [Касаткин (ред.) 2018: 1015–1016]. Эти данные находятся в полном соответствии с тезисом А. А. Зализняка, согласно которому подобные колебания «отражают давно начавшийся и еще не заверченный процесс изменения ударения в словах на *á*, *я́*, который можно описать как стремление к максимальному акцентному противопоставлению чисел... (флексивное ударение во всем ед. ч., на основное ударение во всем мн. ч.)» [Зализняк 2002: 166].

3. ОПИСАНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТА

Для выяснения основных особенностей современных акцентных процессов и уточнения орфоэпических рекомендаций был проведен эксперимент, включающий существительные женского рода на *-а* (*-я*). В эксперименте участвовали 120 респондентов-москвичей во втором или третьем поколении. Испытуемым предлагалось прочитать некоторые тексты большого объема, в контекст которых были включены интересующие нас слова, замаскированные таким образом, чтобы не привлекать к себе пристального внимания информантов. Всего в контексты были включены 40 словоформ с возможными вариантами ударения. Словоформы отбирались, с одной стороны, по основным современным орфоэпическим словарям, с другой стороны, на основании наблюдений над теми ситуациями спонтанных произнесений, когда в живой речи фиксировались отступления от акцентуации, заявленной в словарях в качестве нормативной. При этом были отобраны как слова, относящиеся к исконной лексике, так и заимствования, в том числе поздние. Информанты, как это принято в современной орфоэпической и социолингвистической практике, были разделены на три группы по возрастному критерию: старшую, среднюю и младшую. Полученные результаты для сравнения приводятся в параллели с некоторыми современными источниками: «Большим орфоэпическим словарем русского языка» (БОС) [Касаткин (ред.) 2018], «Орфоэпическим словарем русского языка» (ОС) [Аванесов (ред.) 1983]; в ряде случаев учитывается информация из «Орфоэпического словаря русского языка» под ред. Н. А. Еськовой [Еськова (ред.) 2015] и ее книги «Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков» [Еськова, 2008]; при необходимости для анализа привлекались данные поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка.

Обработка результатов эксперимента продемонстрировала, что движение внутри каждой из старых АП носит неоднородный характер: в некоторых лексе-

мах действительно наблюдается выравнивание ударения в подпарадигмах единственного и множественного числа (и противопоставление их друг другу — в соответствии с тенденцией В. Н. Сидорова, тенденцией грамматикализации); с другой стороны, в некоторых случаях наблюдается движение в противоположном направлении, когда в определенных формах существительных «старое» ударение оказывается более устойчивым или даже вторично устойчивым — иногда, казалось бы, устаревшие орфоэпические варианты, противоречащие рекомендациям современных нормативных источников, внезапно с высокой частотностью возникают в речи информантов младшего поколения.

Несмотря на то что в эксперименте принимали участие три группы испытуемых, результаты исследования были сгруппированы в основном с опорой на показатели младшей группы (хотя известно, что не всегда в перспективе именно младшая норма выбирается носителями языка в качестве предпочтительной). Главными факторами, в соответствии с которыми принималось кодификационное решение, были 1) соответствие орфоэпического факта внутреннему языковому закону или тенденции и 2) распространенность варианта в речи образованных людей [Каленчук 2016; Каленчук и др. 2017: 10].

4. РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТА

Анализ выявил следующие группы примеров.

1. Лексемы, в которых в подпарадигме мн. ч. осуществляется переход в косвенных падежах от схемы С⁶ (в исконно подвижной) или схемы В (в исконно окситонированной⁷) к схеме А, — или где налицо тенденция к осуществлению такого перехода (см. табл. 1); в этой группе примеров тенденция Сидорова (противопоставление подпарадигм ед. и мн. ч.) реализована наиболее последовательно.

Пример: в косвенных падежах мн. ч. лексемы *борода́* современные орфоэпические словари не рекомендуют корневое ударение (! *не рек. боро́д, боро́дам*), однако в эксперименте в младшей группе испытуемых вариант *боро́дами* предпочли 70 % респондентов.

2. Лексемы, в которых формы В.п. ед. ч. преимущественно не имеют ударения на основе (причем для лексем исконно подвижной и окситонированной АП это зачастую означает выравнивание подпарадигмы ед. ч. с флексивным ударением (В) в тот момент, когда в подпарадигме мн. ч. ударение уже полностью перешло на основу (А), что обычно означает завершение противопоставления подпарадигм ед. и мн. ч. в рамках тенденции грамматикализации), см. табл. 2.

⁶ А — корневое ударение в подпарадигме ед. или мн. ч., В — флексивное ударение в подпарадигме ед. или мн. ч., С — подвижное ударение в подпарадигме ед. или мн. ч. [Касаткин (ред.) 2018].

⁷ Вероятно, полной окситонии не было, выпадали формы И.-В.п. мн. ч., см. [Воронцова 1979: 59].

Таблица 1. Формы косвенных падежей (Д.п., Т.п., П.п.) мн. ч. с переходом ударения на основу (в исконно подвижной и окситонированной АП)

И.п. ед. ч. (исконный тип ударения)	Словарные рекомендации		Словоформа в эксперименте	Кол-во употреблений в разных возрастных группах		
	ОС [Аванесов (ред.) 1983]	БОС [Касаткин (ред.) 2018]		Старшая	Средняя	Младшая
борода ист.: подвижная АП	борода́, -ы́, вин. боро́ду, мн. боро́ды, боро́д, боро́дам ! не рек. боро́д, боро́дам	БОРОДА́ , боро́ды, боро́ду, мн. боро́ды, боро́д, боро́дам (! не рек. боро́д, боро́дам)	боро́дами боро́дами	20 % 80 %	20 % 80 %	70 % 30 %
<i>Примечание:</i> В поэтическом корпусе [НКРЯ] встречаются примеры только с ударением на флексии. Очевидно, долгое время колебаний не было вообще. В ОС и БОС (идентичные рекомендации) в косвенных падежах мн. ч. запретительная помета на ударении на основе, однако в младшей группе респондентов результат прямо противоположный. Налицо движение к колонному корневому ударению во мн. ч. в соответствии с тенденцией Сидорова.						
блоха ист.: подвижная АП	бло́ха, -й, вин. -у́, мн. бло́хи, бло́х, бло́хам и бло́хам	БЛОХА́ , бло́хий, мн. бло́хи, бло́хам и бло́хам.	бло́хах бло́ха́х	100 %	100 %	80 %
				-	-	20 %
доска ист.: подвижная АП	до́ска, -й, вин. до́ску и до́и. до́ску, мн. до́ски, до́сок и до́п. до́сок, до́скам и до́скам ◊ свой в до́ску; пьяный в до́ску; бей в до́ску, разгоняй то́ску (старинная поговорка)	ДОСКА́ , до́скы́, до́ску и до́нусты, до́ску, мн. до́ски, до́сок и до́нусты, до́сок, до́скам и до́нусты, до́скам ◊ свой в до́ску	до́сками до́сками	100 %	90 %	100 %
				-	10 %	-
<i>Примечание:</i> Вероятно, для этой лексемы должны быть уточнены рекомендации для подпарадигмы мн. ч. (очевидно, что не только для формы до́сками, но включенной в орфоэпические словари, но и для форм до́сок, до́скам именно варианты с наосновным ударением должны быть выбраны как предпочтительные (а варианты до́сок, до́скам признаны лишь допустимыми). Ср. архаичное звучание строк (этот пример использован Н.А.Еськовой): <i>Под лесом но́чью сосновым, // При блеске бледной луны, // Топо́ча по до́скамъ гробовым, // Буди сон мертвой тишины (Г.Р.Державин. Цыганская пляска, 1805)</i> [Еськова 2008]. В эксперименте участвовала та же лексема в форме ед. ч. В.п., и предпочтение также было отдано варианту с ударением на основе (до́ску) в двух группах (младшей и старшей) с огромным преимуществом, а в средней примеры разделились поровну. Это говорит о вступлении слова в этап колебаний в форме подпарадигмы ед. ч. В.п. [Воронцова 1979: 49–59], что является шагом на пути к формированию новой подвижности.						

среда ист.: подвижная АП	среда ¹ , -ья, вин. -ью, мн. среды, сред, средам ■ Окружение среда ² , -ья, вин. среду, в, на среду, но о среде, мн. среды, сред, средам и средам ■ День недели	СРЕДА ¹ , среды, среду, мн. среды, средам ■ Окружение СРЕДА ² , среды, среду, в, на среду, но о среде, мн. среды, средам и средам ■ День недели	по средам	90 %	90 %	50 %
			по средам	10 %	10 %	50 %
<i>Примечание:</i> Казалось бы, переход к наосновному ударению в парадигме мн. ч. должен был завершиться, но этого не происходит в младшей группе респондентов — вероятно, это связано со стремлением информантов развести омонимичные значения. Возможно также, что новый незакономерный вариант появился из-за рекомендаций словарей, так как слово попало в списки ЕГЭ (см. в том числе [Штудинер 2009]).						
строка ист.: подвижная АП	строка , -ья, вин. -ью, мн. строки, строк, строкам и доп. строкам (в всякое лыко в строку	–	со строками	80 %	90 %	70 %
			со строками	20 %	10 %	30 %
полоса ист.: подвижная АП	полоса , -ья, вин. полюсу и полюсу, мн. полосы, полос полосам (! не рек. мн.. полюс, полюсам).	ПОЛОСА , полосы, полюсу и полюсу, мн. полосы, полосу (! неправ. полюс, полюсам (! не рек. полюсам)).	полосах	60 %	80 %	80 %
			полосах	40 %	20 %	20 %
<i>Примечание:</i> Фактически результаты эксперимента противоречат рекомендациям БОС и ОС: вариант <i>полосах</i> показал себя в эксперименте как более предпочтительный, а вариант <i>полосам</i> (наряду с рекомендованным <i>полосам</i>) представляется по крайней мере допустимым.						

Окончание табл. 1

И. п. ед. ч. (исконный тип ударения)	Словарные рекомендации		Словоформа в эксперименте	Кол-во употреблений в разных возрастных группах		
	ОС [Аванесов (ред.) 1983]	БОС [Касаткин (ред.) 2018]		Старшая	Средняя	Младшая
волна ист.: подвижная АП	волна́ , ь , <i>вин.</i> - ў , <i>мн.</i> во́лны, волн, волна́м и волнам ■ <i>Движение</i> <i>воды</i> . волна́ , ь , и <i>доп.</i> во́лна , -ы ■ <i>Шерсть</i>	ВОЛНА́ , волны́, волну́; <i>мн.</i> во́лны, волна́м и <i>допуст.</i> <i>старш.</i> во́лнам ■ <i>Движение</i> <i>воды</i> . ВОЛНА́ , волны́ и <i>допуст.</i> ВО́ЛНА , во́лны ■ <i>Шерсть</i>	во́лнам	20 %	50 %	40 %
			волна́м	80 %	50 %	60 %
<i>Примечание:</i> Здесь в полном смысле перехода на основу нет, но процент корневых ударений достаточно высок. Это становится еще очевиднее, если учесть, что в [Еськова 2008] все без исключения примеры в формах <i>мн. ч.</i> — с ударением только на окончании. Следовательно, и при 50 % корневых ударений движение в русле тенденции грамматикализации можно назвать стремительным. Сама лексема <i>волна</i> крайне популярна в поэтической речи XVIII–XX вв. — неудивительно, что сами эти тексты способствовали сохранению привычных вариантов. Ср.: <i>Там трон жемчугами усыпанный янтари; // На нем сидит волна́м седым подобен царь</i> (М. В. Ломоносов. Петр Великий, 1756–1761).						
струя ист.: окситонированная АП	струя́ , - й , <i>вин.</i> - ю , <i>мн.</i> стру́и, стру́й, стру́ям в <i>поэтич. речи возм.</i> стру́й, стру́ям	-	стру́ях	70 %	90 %	100 %
				30 %	10 %	-
граф ист.: подвижная АП (позднее заимствование)	графа́ , - ь , <i>мн.</i> гра́фы, гра́фам и гра́фы, гра́фа́м, <i>род. мн.</i> гра́ф	-	гра́фах	70 %	90 %	60 %
				30 %	10 %	40 %
строфа ист.: подвижная АП (позднее заимствование)	строфа́ , - ь , <i>вин.</i> - ў , <i>мн.</i> стро́фы, стро́ф, стро́фа́м и стро́фам	-	стро́фах	90 %	100 %	100 %
				10 %	-	-

софа ист.: подвижная АП (позднее заимствование)	софа́, -ы́, вин. -у́, мн. софа́, соф, софа́м и софа́м	-	софа́ми	70 %	80 %	60 %
				софа́ми	30 %	20 %
серьга ист.: подвижная АП	сѣр҃гы, серѣ; сер҃гам и доп. сѣр҃гам, ед. сѣр҃га́, -ѣ́, вин. -у	СЕР҃Г҃А́ , сер҃гы́ мн. сѣр҃гы, серѣ; сер҃гам и доп.уст. сѣр҃гам ◊ всем сѣстра́м по сѣр҃гам	сѣр҃гами	20 %	20 %	50 %
				сѣр҃гами	80 %	80 %
<i>Примечание:</i> Примечательно, что в одном и том же фразеологизме (<i>сестрам по сѣр҃гам</i>) у неисконного слова (<i>сѣр҃га</i> — заимств. из туркск.) движение в сторону ВА медленнее (в то время как у исконного слова <i>сестра</i> переход ВА, видимо, завершен).						
стопа ¹ ист.: окситонированная АП	стопа́ ¹ , -ы́, мн. стопа́, стоп, стопа́м. □ Часть но́ги	СТОПА́ , стопа́, мн. стопа́, стопа́м. □ Часть но́ги	стопа́х	60 %	90 %	60 %
				стопа́х (часть но́ги)	40 %	10 %
стопа ²⁻⁴ ист.: окситонированная АП	стопа́ ²⁻⁴ , -ы́, вин. -у́, мн. стопа́, стоп, стопа́м. □ Еди́ница сти́ха. Ку́ча чѣго-н./ ме́ра бума́ги. Со́суд	Стопа́, стопа́, мн. стопа́, стопа́м. □ Еди́ница сти́ха. Ку́ча чѣго-н./ ме́ра бума́ги. Со́суд	стопа́х	80 %	100 %	80 %
				стопа́х (стихове́дч. термин)	20 %	-
<i>Примечание:</i> В первом случае (<i>стопа</i> ¹) процент наосновных ударений в средней группе намного выше, чем в младшей, однако налицо общая тенденция к увеличению вариантов ВА. При этом налицо стремление развести омонимы: в значении 'часть ноги' — ВВ (старая окситония), в значении 'единица стиха' — ВА (новая подвижность).						
ступня ист.: подвижная АП (позднее заимствование)	ступа́ня, -ѣ́, мн. -ѣ́, -ѣ́й	СТУПНЯ́ , ступня́, мн. ступня́, ступня́м	ступа́нях	10 %	30 %	60 %
				ступа́нях	90 %	70 %

Таблица 2. Формы В. п. ед. ч. с сохранением колебаний ударения на основе / на флексии (с преимущественным предпочтением флексionного ударения).

И. п. ед. ч. (исконный тип АП)	Словарные рекомендации		Словоформа в эксперименте	Кол-во употреблений в разных возрастных группах		
	ОС	БОС		Старшая	Средняя	Младшая
коса (инструмент) ист.: оксигтонированная АП	коса ²⁻³ , -ы, вин. косу́ и <i>доп.</i> ко́су , <i>мн.</i> ко́сы , кос, ко́сам . ☐ <i>С.-х. орудие. Отмель;</i> <i>мыс.</i>	–	ко́су (инструмент)	20 %	30 %	20 %
			косу́ (инструмент)	80 %	70 %	80 %
<i>Примечание:</i> Результаты эксперимента с предпочтением флексionного ударения точно соответствуют рекомендациям орфоэпических словарей, в том числе и современных: примечательно, что в этом случае [Еськова (ред.) 2015] фиксирует ту же норму, что [Аванесов (ред.) 1983]. Но в XIX в. норма была той же, ср.: <i>А в руки взяв сери, соху, ко́су, // Пробудьте, не подъявши носу, // Любезны Богу, господам (Г.Р.Державин. Крестьянский праздник, 1807).</i>						
Вероятно, наличие омонима (и стремление развести два значения) обусловило расхождение в акцентуации: для лексемы <i>коса</i> ¹ заплетенные волосы наблюдается прямо противоположная ситуация, большинство информантов в форме <i>ко́су</i> выбрали вариант с ударением на корне.						
трава ист.: оксигтонированная АП	трава́ , -ы, <i>вин.</i> -у́, <i>мн.</i> травы́, трав, травам! <i>не рек. вин. ед. траву́</i>	ТРАВА́ , травы́, траву́ (! <i>нейрав.</i> траву́), <i>мн.</i> травы́, травам.	траву́	30 %	30 %	10 %
железа ист.: подвижная АП	железа́ , -ы, <i>вин.</i> -у́, <i>мн.</i> желе́зы, желе́з, железа́м ! <i>не рек. мн.</i> желез, желе́зам	ЖЕЛЕЗА́ , желе́зы , <i>мн.</i> желе́зы, желе́з, желе́зам (! <i>не рек. мн. желе́з,</i> <i>желе́зам...</i>)	железу́	–	–	10 %
			железу́	100 %	100 %	90 %
стопа ¹ ист.: оксигтонированная АП	стопа ¹ , -ы, <i>мн.</i> стопы́, стоп, стопа́м. ☐ <i>Часть ноги</i>	СТОПА́ , стопы́, <i>мн.</i> стопы́, стопа́м. ☐ <i>Часть ноги</i>	сто́пу	10 %	20 %	20 %
			сто́пу (часть ноги)	90 %	80 %	80 %

<p><i>Примечание:</i> Если для омонима <i>стопа</i>²⁻⁴ 'единица стиха' тенденция грамматикализации может быть признана реализованной, то для данного случая все еще справедлива схема ВВ — однако и тут имеется совсем небольшое движение в сторону колебаний ударения в форме В. п. ед. ч. на основе. Омонимы <i>стопа</i>¹ 'часть ноги' и <i>стопа</i>²⁻⁴ разошлись акцентологически — один находится в самом начале процесса грамматикализации, другой его завершил. Можно было бы предположить, что причиной такого расхождения послужил прагматический фактор, но это не так: оба слова в современном языке широко употребительны.</p>						
<p>стопа²⁻⁴ ист.: окситонированная АП</p>	<p>стопа²⁻⁴, -бы, вин. -ў, мн. стопы, стоп, стопам □ Единица стиха. Куча чего-н. мера бумаги. Сосуд</p>	<p>СТОПА, стопы, мн. стопы, стопам. □ Единица стиха. Куча чего-н. Мера бумаги. Сосуд</p>	стопу	20 %	10 %	20 %
			стопу (стиховецч. термин)	80 %	90 %	80 %
<p><i>Примечание:</i> Корневое ударение в этой форме встречалось в поэзии XIX в., ср.: <i>Не столько труд тяжел в Нерчинске рудокопу, // Как мне, поймавши мысль, подвести ее под стопу</i> (П. А. Вяземский. К В. А. Жуковскому. 1819). В настоящее время рекомендованная словарями форма <i>стопу</i> была выбрана и абсолютным большинством респондентов в эксперименте. Таким образом, можно утверждать, что у данной лексемы переход к новой подвижности осуществился со всей последовательностью (результаты эксперимента в формах мн. ч. фиксируют преимущественно флексивное ударение). При этом наличие стремление развести омонимы: в 1-м значении — ВВ (старая окситония), во 2-4-м значениях — ВА (новая подвижность).</p>						

Таблица 3. Формы В. п. ед. ч. с сохранением колебаний ударения на основе / на флексии (с преимущественным предпочтением корневого ударения)

И. п. ед. ч. (исконный тип ударения)	Словарные рекомендации		Словоформа в эксперименте	Кол-во употреблений в разных возрастных группах		
	ОС [Аванесов (ред.) 1983]	БОС [Касаткин (ред.) 2018]		Старшая	Средняя	Младшая
коса¹ ист.: подвижная АП	коса¹ , -ь, вин. косу и доп. косу́; мн. косы, кос, косам ђ за косу, за косы (дёргать, таскать и т. д.). • Заплетенные волосы.	–	косу косу́ (волосы)	50 % 50 %	40 % 60 %	70 % 30 %
<p><i>Примечание:</i> Рекомендации [Еськова (ред.) 2015] полностью повторяют [Аванесов (ред.) 1983], и, кажется, в данном случае это вполне справедливо. Вероятно, это обусловлено двумя причинами: во-первых, наличием омонима, для которого в этой форме ситуация прямо противоположная (большинство информантов в форме косу в значении 'инструмент' выбрали вариант с ударением на флексии); во-вторых, широкой известностью строк: <i>Мне с плачем косу расплели // И с пеньем в церковь повели</i> (А. С. Пушкин. Евгений Онегин) и т. п. Такая поддержка препятствует завершению установления флексийного ударения во всей подпарадигме ед. ч., и это замедляет действие тенденции грамматикализации.</p>						
полоса (в жизни) ист.: подвижная АП	полоса , -ь, вин. полюсу и полюсу́; мн. полюсы, полѳс, полюсам ! не рек. мн. полѳс, полюсам	ПОЛОСА́ , полюсы́, полюсу́ и полюсу́, мн. полюсы, полѳс (! неправ. полѳс), полюсам (! не рек. полюсам)	полюсу полюсу́ (в жизни)	30 % 70 %	80 % 20 %	90 % 10 %
<p><i>Примечание:</i> При составлении эксперимента показало целесообразным разделить контексты для значений лексемы <i>полоса</i>, однако результаты демонстрируют, что расхождение в выборе вариантов для двух значений минимально. Очевидно, для всех значений процесс еще не завершён, и колебания присутствуют (в наши дни — с явным преобладанием корневого ударения).</p>						
полоса (в газете)	полоса , -ь, вин. полюсу и полюсу́; мн. полюсы, полѳс, полюсам ! не рек. мн. полѳс, полюсам	ПОЛОСА́ , полюсы́, полюсу́ и полюсу́, мн. полюсы, полѳс (! неправ. полѳс), полюсам (! не рек. полюсам)	полюсу (в газете) полюсу́	50 % 50 %	90 % 10 %	10 % –
<p><i>Примечание:</i> Данное значение появилось поздно и не получило акцентной самостоятельности, как это предполагалось до начала эксперимента.</p>						

сторона (родная) ист.: подвижная АП	сторонá, -ь, вин. сторóну, мн. сторóны, сторóн, сторóнам ♦ по обе сторóны и по обе сторóны; на все четыре сторóны и на все четыре сторóны	СТОРОНÁ, сторóны, мн. сторóны, сторóн, сторóнам ♦ по обе сторóны и по обе сторóны; на все четыре сторóны и на все четыре сторóны	сторóну	80 %	90 %	90 %
			сторóну (родную)	20 %	10 %	10 %
сторона (пространство, место) ист.: подвижная АП	и на все четыре сторóны	и на все четыре сторóны	сторóну (пространство, место)	100 %	100 %	100 %
			сторóну	–	–	–
<i>Примечание:</i> При составлении эксперимента показало целесообразным разделить контексты для значений лексемы <i>сторона</i> , однако результаты демонстрируют, что расхождение в выборе вариантов для двух значений минимально. Следует признать, что рекомендации, бывшие актуальными для этого участка системы в прошлом и зафиксированные в ОС, актуальны и сейчас; однако при этом во мн. ч. (в форме <i>по сторóнам</i>) результаты эксперимента показали 100 % флексивного ударения, что, напротив, прямо противоречит рекомендациям всех орфоэпических словарей.						
изба ист.: подвижная АП	избá, -ь, вин. избу и избý, мн. избы, изб, избам	... СА/ВА: <i>избá, избь, избу и избý, мн. ч. избь, избам</i>	избу	30 %	80 %	50 %
			избý	70 %	20 %	50 %
доска ист.: подвижная АП	доскá, -й, вин. доску и доп. доскú, мн. доски, досок и доп. досок, доскám и доскám ò свой в доску; пьяный в доску; бей в доску, разогной тоскú (старинная поговорка)	ДОСКÁ, доскí, доску и допуст. доскú, мн. доски, досок и допуст. досок, доскám и допуст. доскám ♦ свой в доску	доску	70 %	50 %	80 %
			доскú	30 %	50 %	20 %
<i>Примечание:</i> Очевидно, вариант с корневым ударением поддерживается фразеологизмом <i>своей в доску</i> .						
борозда ист.: подвижная АП	бороздá, -ь, вин. борозду и бороздú, мн. борозды, борозд, бороздám ! не рек. мн. борозд, бороздам	БОРОЗДÁ, бороздý, борозду и бороздú, мн. борозды, борозд, бороздám (! не рек. борозд, бороздам)	борозду	50 %	60 %	70 %
			бороздú	50 %	40 %	30 %
<i>Примечание:</i> Любопытно, что в поэтическом корпусе НКРЯ абсолютное большинство вариантов с флексивным ударением <i>бороздú, ср.: Причастные его труду, // Чрез целый ряд веков, чрез столько поколений, // И мы, и мы его тянули бороздú</i> (Ф. И. Тютчев).						

Комментарий к табл. 3: колебания зафиксированы в исконно подвижной АП, где можно было бы ожидать явного сдвига в сторону окончательного противопоставления подпарадигм ед. и мн. ч., однако в обязательном порядке этого не происходит.

Таблица 4. Формы косвенных падежей (Д.#п., Т.#п., П.#п.) мн. ч. с колебаниями ударения на основе / на флексии

И. п. ед. ч. (исконный тип ударения)	Словарные рекомендации		Словоформа в эксперименте	Кол-во употреблений в разных возрастных группах		
	ОС [Аванесов (ред.) 1983]	БОС [Касаткин (ред.) 2018]		Старшая	Средняя	Младшая
сковорода ист.: подвижная АП	сковорода́ , -ы́, вин. сковоро́ду и допуст. устар. сковоро́ду, мн. сковоро́ды, сковоро́д, сковоро́да́м (! не рек. мн. сковоро́д, сковоро́дам)	СКОВОРОДА́ , сковоро́ды, сковоро́ду и допуст. старш. сковоро́ду, мн. сковоро́ды, сковоро́да́м (! не рек. сковоро́дам)	сковоро́дами	10 %	50 %	–
			сковоро́дами	10 %	–	–
			сковоро́дами	80 %	50 %	100 %
<i>Примечание:</i> Нечастотное слово (гораздо шире распространена лексема <i>сковоро́дка</i>), поэтому наблюдается большое разнообразие вариантов и различий.						
сторона ист.: подвижная АП	сторона́ , -ы́, вин. сто́рону, мн. сто́роны, сто́рон, сто́ронам ♦ по обе сто́роны и по обе сто́роны; на все четыре сто́роны и на все четыре сто́роны; на сто́рону (отдать, ходить) ♦ по сто́рону (отдать, ходить)	СТОРОНА́ , сто́роны, мн. сто́роны, сто́рон, сто́ронам в некоторых устойчивых сочетаниях слов ударение падает всегда на предлог:	по сто́ронам	–	–	–
		на сто́рону (отдать, ходить) ♦ по обе сто́роны и по обе сто́роны; на все четыре сто́роны и на все четыре сто́роны	по сто́ронам	100 %	100 %	100 %
<i>Примечание:</i> В результате эксперимента зафиксировано 100 % случаев флексивного ударения для трех групп испытуемых, что прямо противоречит рекомендациям всех орфоэпических словарей (примечательно, что в формах ед. ч., напротив, рекомендации ОС по-прежнему актуальны).						
ноздря ист.: подвижная АП	ноздря́ , -я́, вин. -ю́ мн. но́здри, но́здрей	НОЗДРЯ́ , но́здрей, мн. но́здри, но́здрям	но́здрям	–	10 %	–
			но́здрям	100 %	90 %	100 %
полоса (газеты) ист.: подвижная АП	полоса́ , -ы́, вин. по́лосу и по́лосу; мн. по́лосы, по́лос, по́лосам ! не рек. мн. по́лос, по́лосам	ПОЛОСА́ , по́лосы, по́лосу и по́лосу; мн. по́лосы, по́лос (! неприяв. по́лос), по́лосам (! не рек. по́лосам)	по́лосам (газеты)	30 %	20 %	20 %
			по́лосам	70 %	80 %	80 %

<p><i>Примечание:</i> Если при составлении текстов со словоформами ед. ч. показались целесообразным разделить контексты для значений лексемы <i>ипоса</i>, то для мн. ч. это было признано избыточным (результаты анализа форм в ед. ч. показали, что расхождение в выборе вариантов для разных значений минимально, и позднее значение 'часть газетного текста не получило акцентной самостоятельности). Для форм мн. ч. зафиксированы колебания с явным преобладанием флексивного ударения, что соответствует рекомендациям орфоэпических словарей на данном и предыдущем этапе. Очевидно, эта норма была справедлива и для XIX в., ср.: <i>Разноцветными зря́ми // Отливаясь там и там, // Золотыми по́лосами // День и небо светят нам.</i> (Н.М.Языков. Пловец, 1829).</p>						
<p>гряда¹ ист.: подвижная АП</p>	<p>гряда¹, -ы́, вин. -у́, мн. гря́ды, гряд, грядам ■ В огороде.</p>	<p>ГРЯДА¹, гряды́, мн. гряды́, грядам ■ Грядка в огороде.</p>	<p>грядами</p>	<p>80 %</p>	<p>30 %</p>	<p>30 %</p>
<p>гряда² ист.: подвижная АП</p>	<p>гряда², -ы́, мн. гряды́, гряд, грядам ■ Ряд, цепь (зор, облаков и др.)</p>	<p>ГРЯДА², гряды́, мн. гряды́, грядам ■ Ряд, цепь (зор, облаков и др.)</p>	<p>грядами грядами (облаков)</p>	<p>20 % 10 % 90 %</p>	<p>70 % –</p>	<p>70 % 40 % 60 %</p>
<p><i>Примечание:</i> Если в старшей и средней группах показатели различаются (причем в старшей и средней по–разному), то в младшей, наоборот, выравниваются. Очевидно, одно из значений (<i>гряда²</i>) стало неупотребительным, и выравнивание произошло под влиянием прагматического фактора.</p>						
<p>верста ист.: подвижная АП</p>	<p>верста, -ы́, вин. -у́, мн. ве́рсты, ве́рст, ве́рстам; ◆ в стольких–то верста́х; за версту́ и доп. устар. за версту</p>	<p>ВЕРСТА, версты́, мн. ве́рсты, ве́рстам; ◆ в стольких–то верста́х</p>	<p>ве́рстах верста́х</p>	<p>– 100 %</p>	<p>10 % 90 %</p>	<p>20 % 80 %</p>
<p><i>Примечание:</i> Следует признать, что пример для эксперимента был выбран не вполне удачно: он совпадает по форме с примером из фразеологического сочетания, и это расхождение (между косвенными падежами мн. ч. и ударением во фразеологизме) препятствует установлению корневого ударения во всей подпарадигме мн. ч. Т. о. поддержка фразеологического сочетания мешает полному завершению процесса грамматикализации.</p>						
<p>сноха ист.: подвижная АП</p>	<p>сноха́, -й, вин. -у́, мн. сно́хи, сно́хам</p>	<p>–</p>	<p>сно́хами сно́хами</p>	<p>80 % 20 %</p>	<p>50 % 50 %</p>	<p>10 % 90 %</p>
<p><i>Примечание:</i> Результаты эксперимента демонстрируют преобладание флексивного ударения в младшей группе испытуемых, что прямо противоречит рекомендациям орфоэпических словарей (в [Еськова (ред.) 2015] та же рекомендация, что в ОС).</p>						

Таблица 5. Поздние заимствования. Формы с колебаниями ударения в И. п. ед. ч. на основе / на флексии.

И. п. ед. ч.	Словарные рекомендации		В ед. ч. в И. п. переход на основу	Кол-во употреблений в разных возрастных группах		
	ОС [Аванесов (ред.) 1983]	БОС [Касаткин (ред.) 2018]		Старшая	Средняя	Младшая
баржа	баржа́ , -и, мн. баржи́ , баржэй , баржа́м и баржа , -и, мн. ба́ржи , барж , баржа́м	БА́РЖА , ба́ржи, мн. ба́ржи, барж , баржа́м и БА́РЖА́ , баржи́ , мн. баржи́ , баржэй , баржа́м	ба́ржа	100 %	100 %	100 %
<p><i>Примечание:</i> Словарные рекомендации отражают точку зрения, согласно которой для поздних заимствований характерно то же акцентное безразличие, которое было отличительной чертой неисконной лексики на всех предыдущих этапах. Рекомендации словарей здесь совпадают с примерами из поэтического корпуса [НКРЯ], где варианты распределяются приблизительно поровну (так, у Набокова, Багрицкого и др. встречается вариант <i>ба́ржа</i>, у Асеева, Эренбурга и др. — <i>баржа́</i>). Тем более удивительны результаты эксперимента, где во всех трех группах испытуемые выбрали вариант с корневым ударением. Это говорит о том, что поздние заимствования могут вовлекаться в общую тенденцию грамматикализации, не обязательно следуя по пути, намеченному, к примеру, в [Воронцова 1979: 54] (когда выбор именно флексийного ударения в форме И. п. ед. ч. — первый к этому шаг).</p>						
камбала	камбала́ , -ы и <i>доп.</i> камбала́ , -ы́	КА́МБАЛА , ка́мбалы, мн. ка́мбалы, ка́мбалам и <i>допусти.</i> КАМБАЛА́ , ка́мбалы, мн. ка́мбалы, ка́мбала́м	ка́мбала камбала́	70 % 30 %	50 % 50 %	60 % 40 %
<p><i>Примечание:</i> В этом примере акцентное безразличие, характерное для поздних заимствований и бывшее отличительной чертой неисконной лексики на всех предыдущих этапах развития, находит подтверждение в результатах эксперимента.</p>						
кирка	кирка́ , -и, мн. кирки́ , кирка́м и кирки́ , кирка́м , <i>род. мн. киро́к • Орудие</i>	КИ́РКА́ , кирки́ , мн. кирки́ , ки́рок , ки́рка́м	ки́рка кирка́	10 % 90 %	10 % 90 %	70 % 30 %
<p><i>Примечание:</i> Примечательно, что в поэтическом подкорпусе НКРЯ, в том числе в текстах XX в., зафиксирован только вариант <i>кирка́</i>.</p>						
пиала	пиала́ , -ы, мн. пиалы́ , пиала́м и <i>доп.</i> пиа́лы , пиа́лам , <i>род. мн. пиа́л</i>	ПИА́ЛА́ , пиалы́ , мн. пиалы́ , пиала́м и <i>допусти.</i> пиа́лы , пиа́лам	пиа́ла пиала́	70 % 30 %	40 % 60 %	100 % –
<p><i>Примечание:</i> То, что в младшей группе 100 % респондентов отдала предпочтение варианту с ударением на основе, сходно с поведением лексемы <i>баржа</i> (с той лишь разницей, что выбранный респондентами вариант <i>пиа́ла</i> не зафиксирован орфоэпическими словарями — представляется, что он должен быть добавлен в рекомендации по крайней мере с пометой и <i>допусти.</i>).</p>						

Пример: в форме В. п. ед. ч. *траву́* по результатам эксперимента абсолютное большинство респондентов выбрали вариант с флексийным ударением (что соответствует рекомендациям орфоэпических словарей, в которых вариант *траву́* совершенно обоснованно маркируется запретительными пометами). В настоящий момент для лексемы *трава* новая подвижность может быть признана сформированной, и налицо схема ВА.

3. Примеры, где в формах В. п. ед. ч. (в исконно подвижной АП, где движение в сторону окончательного противопоставления подпарадигм ед. и мн. ч. должно было бы идти более стремительно) сохраняются колебания в ударении на основе и на флексии, см. табл. 3.

Пример: в В. п. ед. ч. лексемы *коса* ‘заплетенные волосы’ орфоэпические словари рекомендуют в качестве основного варианта *ко́су* и в качестве допустимого — *косу́*. Результаты эксперимента подтвердили, что колебания в произношении у этих вариантов сохраняются и сегодня, и варианты эти практически равноправны. Поддержка варианта *ко́су* в языке поэзии и во фразеологии, а также наличие омонима препятствует завершению установления флексийного ударения во всей подпарадигме ед. ч., и это замедляет действие тенденции грамматикализации.

4. Лексемы, в которых в подпарадигме мн. ч. в косвенных падежах (Д. п., Т. п., П. п.) не происходит перехода от схемы В (С) к схеме А (или где темпы этого перехода неочевидны), см. табл. 4.

Пример: в Д. п. мн. ч. лексемы *сторона* результаты эксперимента демонстрируют выбор в 100 % случаев флексийного ударения во всех трех группах информантов в форме *сторонáм*, что прямо противоречит рекомендациям орфоэпических словарей. Такой результат свидетельствует, что процесс установления колонного ударения на корне (А) в подпарадигме мн. ч. далек от завершения, вопреки действию тенденции грамматикализации.

5. Формы с колебаниями ударения в И. п. ед. ч. на основе или на флексии в поздних заимствованиях. Принято считать, что для поздних заимствований на начальном этапе освоения отмечается *акцентное безразличие* [Воронцова 1979: 54], которое с течением времени склоняется в пользу варианта с ударением на флексии (ср. *арба́, пиала́, серьга́*), и это является первым шагом в направлении следования тенденции грамматикализации. Результаты эксперимента демонстрируют, что в обязательном порядке этого не происходит, см. табл. 5.

Пример: в младшей группе 100 % респондентов отдали предпочтение варианту с ударением на основе — *пиáла* (примечательно, что данный вариант не зафиксирован орфоэпическими словарями; представляется, что он должен быть добавлен в рекомендации по крайней мере с пометой и *допуст.*).

5. ВЫВОДЫ

Итак, результаты эксперимента, с одной стороны, подтвердили тенденцию, отмеченную В. Н. Сидоровым — существительные ед. и мн. ч. стремятся к противопоставлению по акцентному признаку: старые акцентные парадигмы объединяются, а ударение в подпарадигмах унифицируется в ед. и мн. ч. С другой стороны, имеются существительные, не следующие этой тенденции и сохраняющие старое ударение (варианты *сто́рону* и *стороню́*, *и́збу* и *избу́* сохраняют те же колебания, что были отмечены еще в ОС [Аванесов (ред.) 1983]), а также словоформы, ударение в которых меняется вразрез с намеченным направлением (ср. формы *сноха́ми*, *сторонáм*, которые предпочли респонденты в младшей группе в 90 и 100 % случаев соответственно, что прямо противоречит рекомендациям современных орфоэпических словарей и, кроме того, вступает в противоречие с действием тенденции грамматикализации). При этом очевидно, что в настоящий момент мы находимся на новом этапе становления оппозиции субпарадигм ед. и мн. ч, что отражается, в частности, в динамике акцентуации слов старого окситонированного класса, а также подкрепляется новыми заимствованиями. Изменения эти не всегда адекватно отражаются в современных орфоэпических словарях: результаты эксперимента наглядно демонстрируют, что для ряда имен кодификационные решения должны быть скорректированы. Решение для каждой лексемы (а зачастую и для каждой словоформы) следует принимать отдельно, орфоэпические рекомендации должны быть уточнены с учетом всех особенностей современного состояния той системы, которая установилась к настоящему моменту в языке в результате действия тенденции Сидорова — тенденции грамматикализации.

Источники иллюстративного материала

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 31.01.2022).

Литература

- Аванесов Р. И. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова. Под ред. Р. И. Аванесова. М.: Русский язык, 1983.
- Антонова О. В., Савинов Д. М. (ред.). Незабываемые голоса России: Звучат голоса отечественных филологов. Вып. I / Под ред. О. В. Антоновой, Д. М. Савинова. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН. М.: Языки славянских культур, 2009.
- Булаховский Л. А. Сравнительно-исторический комментарий к восточнославянскому ударению. Ударение множественного числа имен существительных // Труды филологического факультета Харьковского университета. 1958. Т. 6. С. 5–24.
- Востоков А. Х. Русская грамматика. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1831.
- Воронцова В. Л. Русское литературное ударение XVIII–XX вв.: Формы словоизменения. М.: Наука, 1979.
- Грот Я. К. О русском ударении вообще и об ударении имен существительных // Труды. Т. 2. Филологические разыскания. СПб., 1899.

- Дурново Н. Н. О склонении в современном великорусском литературном языке // Вопросы языкознания. 1971. № 4. С. 90–103.
- Еськова Н. А. Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков: Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008.
- Еськова Н. А. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / Н. А. Еськова, С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова; под ред. Н. А. Есковой. 10-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, Lingua, 2015.
- Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985.
- Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Иллич-Свитыч В. М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Каленчук М. Л. Нормы произношения в живой речи и в словарях // Труды Отделения Историко-филологических наук РАН / отв. ред. В. А. Тишков. М.: Наука, 2016. С. 262–270.
- Каленчук М. Л., Савинов Д. М., Скачедубова Е. С. Активные процессы в просодической системе русского языка: акцентуация прилагательных // Русский язык в научном освещении. 2017. № 2 (34). С. 9–28.
- Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Фонетика: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2006.
- Касаткин Л. Л. (ред.). Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. Под ред. Л. Л. Касаткина. 2-е изд., исправ. и доп. М.: АСТ-Пресс, 2018.
- Колесов В. В. Именная акцентуация в древнерусском языке: автореф. ... дис. д-ра филол. наук. Л., 1969.
- Колесов В. В. История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1972.
- Хазагеров Т. Г. Ударение как средство грамматической дифференциации форм // Вопросы языкознания. 1973. № 4. С. 98–108.
- Штудинер М. А. Словарь образцового русского ударения. М.: Айрис-Пресс, 2009.

References

- Antonova O. V., Savinov D. M. (eds). *Unforgotten voices of Russia: The voices of Russian philologists are heard*. Iss. I. In-t russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova RAN. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2009. (In Russian)
- Avanesov R. I. (ed.). *Orthoepic dictionary of the Russian language. Pronunciation. Accent. Grammatical forms*. Comp. by S. M. Borunova, V. L. Vorontsova, N. A. Es'kova. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1983. (In Russian)
- Bulakhovskii L. A. Comparative historical commentary on the East Slavic stress. Accent of plural nouns. *Trudy filologicheskogo fakul'teta Khar'kovskogo universiteta*, 1958, vol. 6, pp. 5–24. (In Russian)
- Durnovo N. N. On declension in the modern Great Russian literary language. *Voprosy iazykoznanija*, 1971, no. 4, pp. 90–103. (In Russian)
- Es'kova N. A. (ed.). *Orthoepic dictionary of the Russian language. Pronunciation. Accent. Grammatical forms*. Comp. by N. A. Es'kova, S. M. Borunova, V. L. Vorontsova. 10th edition, corrected and amended. Moscow, AST Lingua Publ., 2015. (In Russian)

- Es'kova N. A. *The standards of the Russian language in the 18th–19th centuries. Stress. Grammatical forms. Variant forms of words. Explanatory articles*. Moscow, Rukopisnye Pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2008.
- Grot Ya. K. About the Russian impact in general and about the impact of nouns. *Trudy, vol. 2. Filologicheskie razyskaniya*. St Petersburg, 1899. (In Russian)
- Illich-Svitych V. M. *Nominal accentuation in Baltic and Slavic*. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1963. (In Russian)
- Kalenchuk M. L. Pronunciation norms in living speech and in dictionaries. *Trudy Otdeleniia Istoriko-filologicheskikh nauk RAN*. Ed. V. A. Tishkov. Moscow, 2016, pp. 262–270. (In Russian)
- Kalenchuk M. L., Savinov D. M., Skachedubova E. S. Active processes in the prosodic system of the Russian language: accentuation of adjectives. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, no. 2 (34). Moscow, 2017, pp. 9–28. (In Russian)
- Kasatkin L. L. *Sovremennyi russkii iazyk. Fonetika: ucheb. posobie dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. Zavedenii [Modern Russian language. Phonetics: textbook. manual for stud. philol. fac. higher. study. institutions]*. Moscow, Izdatel'skii tsentr "Akademiia" Publ., 2006. (In Russian)
- Kasatkin L. L. (ed.). *The comprehensive pronouncing dictionary of the Russian language. Standard pronunciation and stress in the early 21st century. Standard and its variants*. Comp. by M. L. Kalenchuk, L. L. Kasatkin, R. F. Kasatkina. 2nd ed., corrected and amended. Moscow, AST-Press Shkola Publ., 2018. (In Russian)
- Khazagerov T. G. Stress as a means of grammatical differentiation of forms. *Voprosy iazykoznanii*, 1973, no. 4, pp. 98–108. (In Russian)
- Kolesov V. V. *Nominal accentuation in the Old Russian language*. Dr. Sci. abstract. Leningrad, 1969. (In Russian)
- Kolesov V. V. *History of Russian stress. Nominal accentuation in the Old Russian language*. Leningrad, Leningrad University Press, 1972.
- Shtudiner M. A. *Dictionary of the standard Russian stress*. 5th edition. Moscow, Airis-Press Publ., 2008. (In Russian)
- Vorontsova V. L. *The Russian standard stress in the 18th–20th centuries. Inflection forms*. Moscow, Nauka Publ., 1979. (In Russian)
- Vostokov A. Kh. *Russian grammar*. St Petersburg, 1831. (In Russian)
- Zaliznyak A. A. *From pre-Slavonic accentuation to Russian one*. Moscow, Nauka Publ., 1985. (In Russian)
- Zaliznyak A. A. *Russian nominal in inflection*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2002. (In Russian)

Сведения об авторе

Антонова Ольга Валентиновна

Кандидат филологических наук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Российская Федерация, 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2

Olga V. Antonova

PhD in Philology

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS

18/2, Volkhonka st., Moscow, 119019, Russian Federation

E-mail: ovantonova@gmail.com

SPIN-код: 8656-7543

Author ID (Russian Citation Index): 153330